Научная статья

https://doi.org/10.54220/v.rsue.1991-0533.2026.93.1.014
УДК 339.926

ВЛИЯНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ФРАГМЕНТАЦИЮ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

***Сеферян Л. А.*[1], *Захарченко Е. С.*[1]*, *Иванова Д. Г.*[1]**
[1] *Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия*
** esz.rsue@gmail.com*

Аннотация. *Введение.* Данная статья посвящена исследованию влияния геополитических и экономических факторов на фрагментацию мировой экономики – современного процесса, противоположного интеграции и глобализации мировой экономики. Исследование указанного представляется значимым для выявления последующего потенциального влияния фрагментации на развитие мировой экономики, а также прогнозирования ее дальнейших перспектив. *Материалы и методы.* В статье дается обзор подходов к изучению изменений глобальной экономики, начиная с классических, сформулированных А. Смитом и Д. Рикардо, неоклассических: А. Маршалла и Л. Вальраса. Указанные теории сопоставлены с кейнсианским и неоинституциональным подходами к изучению изменений мировой экономики, к числу которых относятся процессы фрагментации. Приведены определения категорий «интеграция» и «фрагментация». Представлены графически причины глобальной фрагментации и ее последствия. *Результаты исследования.* Авторы подробно описывают причинную составляющую фрагментации, уделяя внимание таким аспектам, как: политические конфликты и санкции (через рассмотрение индекса геополитической неопределенности с начала XXI в.); протекционистская политика (через мониторинг изменения внешнеторговых потоков, средних цен на энергоносители). Представлены также данные, подтверждающие тенденцию снижения доверия к интеграционным надстрановым объединениям, что косвенно свидетельствует о снижении эффективности международных организаций и существующей их системы в комплексе. Отдельно отмечено, что фрагментация проявляется не только в технологической и макроэкономической сфере, но и в самой глобальной финансовой архитектуре, приводятся данные по уровню инфляции, ВВП, объему государственного долга. Авторы делают вывод о переходе от глобальной финансовой архитектуры к ее более диверсифицированной, однако более конфликтной модели. *Обсуждение и заключение.* Благодаря проведенному в данном исследовании анализу факторов фрагментации сделан вывод об усилении данной тенденции в современном мире. Указанное отражает переход от универсального мирового порядка к фрагментированной многоуровневой системе, в которой стратегическая автономия и гибкие альянсы становятся ключевыми инструментами для выживания и конкурентоспособности.

Ключевые слова: глобальная экономика, интеграция, фрагментация, геополитическая неопределенность, макроэкономическое давление.

Для цитирования: Сеферян Л. А., Захарченко Е. С., Иванова Д. Г. Влияние геополитических и экономических факторов на фрагментацию мировой экономики. *Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).* 2026;1(33): 168-180. DOI: 10.54220/v.rsue.1991-0533.2026.93.1.014.

Research article

JEL F620

GEOPOLITICAL AND ECONOMIC FACTORS INFLUENCE ON GLOBAL ECONOMY'S FRAGMENTATION

***Seferyan L.*[1], *Zakharchenko E.*[1]*, *Ivanova D.*[1]**
[1] *Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia*
** esz.rsue@gmail.com*

Abstract. *Introduction.* This article examines the geopolitical and economic factors influence on global economic fragmentation—a contemporary process that is counterproductive to the global economy integration and globalization. This study is valuable for identifying the potential global economic fragmentation impact on development and forecasting its future prospects. *Materials and methods.* This article provides the approaches overview to studying global economic change, beginning with the classical approaches formulated by A. Smith and D. Ricardo and also A. Marshall's and L. Walras's neoclassical approaches. These theories are compared with Keynesian and neoinstitutional approaches to studying global economic change, including fragmentation processes. The categories «integration» and «fragmentation» definitions also are formulated. The global fragmentation reasons of and its consequences are graphically presented. *Research results.* The authors describe the global fragmentation causal component, focusing on such aspects as political conflicts and sanctions (through geopolitical uncertainty index examination since the 21st century beginning); protectionist policies (through monitoring changes in foreign trade flows and average energy prices). They also present data confirming a trend of declining trust in integration associations across borders, which indirectly indicates a decline in the international organizations effectiveness and their existing system as a whole. It is specifically noted that fragmentation manifests itself not only in the technological and macroeconomic spheres but also in the global financial architecture. Data on inflation, GDP, and public debt are provided. The authors conclude that a transition from a global financial architecture to a more diversified, but more conflict-prone model is underway. *Discussion and conclusion.* The global fragmentation analysis factors conducted in this study leads to the conclusion that this trend is intensifying in the modern world. This reflects the transition from a universal world order to a fragmented, multilevel system in which strategic autonomy and flexible alliances are becoming key tools for survival and competitiveness.

Keywords: global economy, integration, fragmentation, geopolitical uncertainty, macroeconomic pressure.

For citation: Seferyan L., Zakharchenko E., Ivanova D. Geopolitical and Economic Factors Influence on Global Economy's Fragmentation. *Vestnik of Rostov State University of Economics (RINH).* 2026;1(33):168-180. DOI 10.54220/v.rsue.1991-0533.2026.93.1.014.

Введение

Мировая экономика на современном этапе проходит через этап трансформации, обусловленной процессами глобальной фрагментации, которые все чаще приходят на смену тенденциям глобализации [6].

Экономическая и политическая напряженность в отношениях между странами, усиление региональных торговых

блоков, торговые войны и санкции создают условия для разрыва устоявшихся экономических связей и приводят к формированию новых экономических союзов и разделению на геополитические зоны. Эти процессы вызывают необходимость переосмысления перспектив развития мировой экономики в условиях ослабления глобальной интеграции и роста рисков экономической нестабильности.

Рассмотрение теоретических подходов к изучению глобальной экономики позволяет установить закономерности ее функционирования, выявить ключевые факторы ее эволюции и обосновать влияние различных процессов на мировые экономические системы. Классические экономические теории, сформулированные Адамом Смитом и Давидом Рикардо, рассматривают международную экономику как систему свободного рынка, руководствуются принципом абсолютных и сравнительных преимуществ [8]. Согласно этим теориям, мировая экономика развивается в результате международного разделения труда, специализации и свободной торговли. При этом ключевым фактором роста становится тесное сотрудничество между странами, основанное на экономическом рационализме и стремлении к максимальной эффективности использования ресурсов. Согласно этому подходу, открытые рынки и невмешательство государства в экономику создают условия для наиболее продуктивного распределения капитала и трудовых ресурсов в международном масштабе.

Неоклассическая теория, которая развила идеи классиков, подчеркивала эффективное распределение ресурсов в условиях совершенной конкуренции. Такие экономисты, как Альфред Маршалл и Леон Вальрас, отстаивали идею, что мировые рынки стремятся к равновесию через механизмы спроса и предложения [4]. Они подчеркивали важность ценовых сигналов для обеспечения оптимального распределения ресурсов между секторами и регионами. Важным аспектом неоклассической теории является концепция предельной полезности, которая объясняет, как выбор потребителей влияет на динамику международных рынков. Сторонники этого подхода скептически относились к государственному вмешательству в международную торговлю, считая, что барьеры и протекционистские меры могут нарушить естественные экономические процессы и снизить общую эффективность мировой экономики.

Джон Мейнард Кейс существенно изменил понимание мировой экономики, продемонстрировав, что рыночные механизмы не всегда гарантируют стабильность и устойчивый рост [2]. Согласно кейнсианскому подходу, государственное регулирование играет ключевую роль в обеспечении макроэкономического равновесия, особенно во время глобальных кризисов и экономических спадов.

Современные сторонники кейнсианского подхода адаптировали свои идеи к условиям глобализации и подчеркивали важность международного сотрудничества и координации экономической политики между государствами [3]. Они утверждают, что, учитывая высокую степень взаимозависимости мировых экономик, ни одна страна не может эффективно справиться с кризисами без совместных усилий. Отсюда вытекает возрастающая роль таких группировок, как G20, которые продвигают скоординированные на международном уровне экономические стратегии.

Неоинституциональная экономическая теория, подкрепленная работами Дугласа Норта и Оливера Уильямсона, подчеркивает важность институтов для развития глобальной экономики [5]. Этот подход рассматривает формальные и неформальные институты как ключевые факторы, определяющие динамику экономического развития на международном уровне. Институты включают не только законы и правила, но и социальные нормы, правила ведения бизнеса, традиции и степень доверия в обществе.

Базисом экономической нестабильности представляется тот факт, что глобальная экономика развивается под

воздействием двух противоположных тенденций: интеграции и фрагментации. Эти процессы представляют собой сложное взаимодействие экономических, политических, социальных и технологических факторов, формируя современную архитектуру мирового хозяйства.

Вопросы глобализации и фрагментации активно изучались на практике в течение последних десятилетий. Международный валютный фонд (МВФ) подробно рассматривает влияние геоэкономической фрагментации на инвестиционные потоки, трансграничную торговлю и производственные цепочки в своих докладах World Economic Outlook. Международная торговая палата (ICC) в отчете ICC 2023 Trade Report: A Fragmenting World анализирует, как торговые барьеры между крупными экономиками способствуют фрагментации в области инвестиций и технологий.

Материалы и методы

Представляется целесообразным проведение анализа влияния геополитических и экономических факторов на мировую экономику в условиях глобальной фрагментации.

Для достижения поставленной цели в ходе исследования использовались такие методы, как системный анализ, сравнительный анализ (сопоставлены причины и последствия глобальной фрагментации), статистические и эконометрические методы (оценены изменения показателей по годам; рассчитаны средние значения).

Результаты исследования

Глобальная интеграция осуществляется через сложные экономические и институциональные механизмы, которые включают международные организации, торговые соглашения, транснациональные корпорации (ТНК) и финансовые структуры.

Глобальная фрагментация является процессом, противоположным интеграции, и характеризуется ослаблением международных связей, усилением экономического протекционизма и регионализацией мирового хозяйства (рис. 1).

Причины глобальной фрагментации	Последствия глобальной фрагментации
Политические конфликты и санкции – международные разногласия ведут к разрыву торговых связей и созданию экономических барьеров	Замедление экономического роста – снижение уровня международной торговли и инвестиций приводит к сокращению темпов развития мировой экономики
Протекционистская политика – введение импортных пошлин, квот и торговых ограничений снижает уровень глобальной экономической кооперации	Рост региональных экономических блоков – страны усиливают внутрирегиональные связи, создавая локальные зоны экономического сотрудничества
Технологический суверенитет – страны стремятся к автономии в стратегически важных секторах, что ограничивает международный обмен технологиями	Повышение рисков финансовой нестабильности – ослабление координации на международном уровне увеличивает уязвимость мировой финансовой системы

Рисунок 1 – **Причины и последствия глобальной фрагментации**
Figure 1 – **Causes and consequences of global fragmentation**

В продолжение анализа причин глобальной фрагментации невозможно не описать влияние такого фактора, как геополитические конфликт, принимающий на сегодняшний день все новые формы в контексте учений геоэкономики (информационные, санкционные, экономические, торговые, тарифные войны и др.).

Когда цифровой разрыв и регионализация формируют структурные разломы в экономике, эскалация международной напряженности становится катализатором, который радикально ускоряет эти процессы.

Военные конфликты, санкционные войны и снижение роли многосторонних институтов существенно ограничивают возможности для международного сотрудничества, подрывая потоки инвестиций и нарушая цепи поставок (рис. 2).

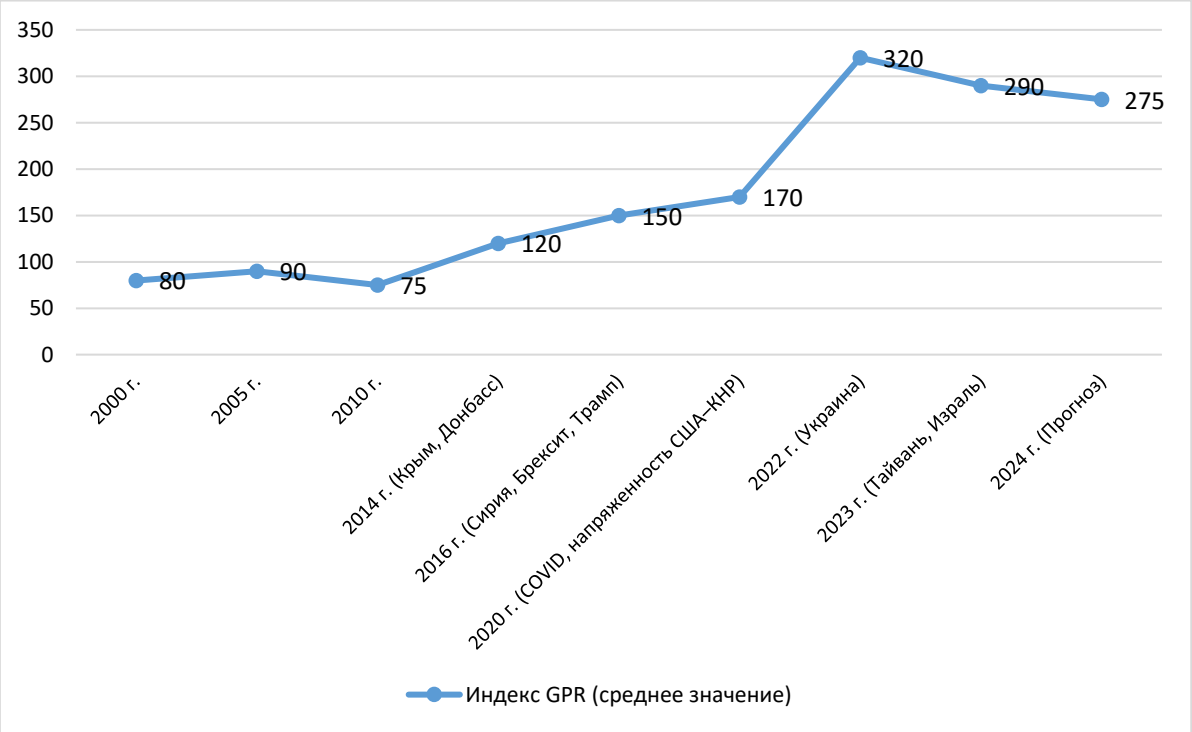

Рисунок 2 – **Индекс геополитической неопределенности**
Figure 2 – **Geopolitical Uncertainty Index**

Мировой порядок, основанный на правилах, оказался под давлением из-за эскалации нескольких геополитических горячих точек.

Начало специальной военной операции привело к крупнейшему в истории режиму санкций, нарушению транспортных и энергетических маршрутов и перенаправлению торговых потоков. По данным Всемирного банка, мировой ВВП вырастет лишь на 2,9 % в 2022 г. по сравнению с 5,7 % в 2021 г., частично из-за эскалации военных действий и связанной с этим неопределенности [17].

Ближний Восток остается регионом повышенного риска: конфликты в Газе, Сирии и Йемене подпитывают спекуляции на энергетических рынках, особенно в отношении поставок нефти и сжиженного газа.

Эскалация вокруг Тайваня подпитывает опасения на рынках высоких технологий. Тайвань является центром производства полупроводников, и любая дестабилизация может спровоцировать глобальный кризис в высокотехнологичной отрасли.

Применение масштабных санкций стало инструментом геоэкономического давления. Одним из примеров являются санкции против России, которые привели к перераспределению мировых энергетических потоков, отказу от доллара и увеличению торговых отношений между Россией и странами Азии.

Санкции против Ирана, Венесуэлы и китайских компаний, зарегистрированных как юридические лица США, существенно ограничили международную инвестиционную деятельность и доступ к технологиям в соответствующих странах.

Таблица 1 – **Изменения внешнеторговых потоков, 2021-2023 гг.**
Table 1 – **Changes in Foreign Trade Flows, 2021-2023**

Страна	Экспорт (млрд долл.), 2021 г.	Экспорт (млрд долл.), 2023 г.	Изменение, %
ЕС	173	38	-78%
Китай	68	108	+59%
Индия	8	37	+362%

В условиях фрагментации международной системы эффективность международных организаций значительно снизилась (рис. 3.): ВТО потеряла свою арбитражную функцию после блокирования Апелляционного органа в 2020 г.; несмотря на свое формальное присутствие, ООН имеет незначительное влияние на экономические санкции или торговые блокады; G20 становится площадкой для дебатов без решений, особенно по вопросам, касающимся России, Китая и Запада. Эти данные подтверждают переход к модели «геоэкономических клубов», где решения принимаются альянсами «интересов», а не универсальными структурами.

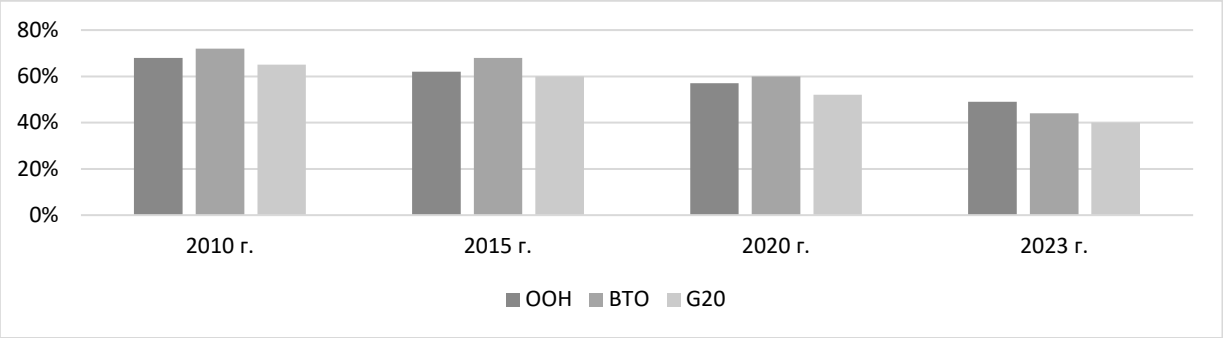

Рисунок 3 – **Уровень доверия к многосторонним институтам в мире, 2010-2023 гг.**
Figure 3 – **Level of trust in multilateral institutions in the world, 2010-2023**

В условиях растущей фрагментации мировой экономики энергетический сектор стал одним из наиболее уязвимых и одновременно важнейших элементов геоэкономической конфигурации. Нарушение устойчивости традиционных энергетических потоков, рост зависимости от ограниченного количества поставщиков и усиление конкуренции за ресурсы заставили страны переосмыслить свою энергетическую безопасность. Современный глобальный энергетический ландшафт все больше определяется не только экономическими, но и политическими и стратегическими факторами.

С начала 2020-х гг. страны, особенно в Азии и Европе, активно пересматривают свои энергетические стратегии в сторону диверсификации поставщиков.

Давление санкций против России, ограничение трубопроводных поставок и усиление конкуренции за сжиженный природный газ стимулировали перераспределение логистики и инвестиций на альтернативные направления – от Катара и Норвегии до США и Алжира [10].

В то же время растет тенденция к энергетическому переходу, то есть уменьшению зависимости от ископаемых видов топлива в пользу возобновляемых источников энергии (ВИЭ), включая солнечную, ветровую и водородную энергию. Этот переход требует не только технологических инвестиций, но и координации политики на региональном уровне (ЕС, АСЕАН), что становится все более сложным из-за фрагментации.

С начала СВО в 2022 г. цены на энергоносители стремительно выросли во всем мире. Цена нефти марки Brent выросла до 130 долл. за баррель весной 2022 г. и до 300 евро за мегаватт-час на спотовом

рынке газа в ЕС. Такая волатильность стала результатом сочетания геополитических шоков, логистических несогласованностей и спекулятивных ожиданий [11].

Падение цен в 2023 г. можно частично объяснить сезонностью и ростом запасов, но системный риск остается, особенно в условиях нестабильности на Ближнем Востоке и низкой вовлеченности ОПЕК+ в стабилизацию поставок (табл. 2). С одной стороны, ВИЭ является важным вектором уменьшения зависимости от геополитически нестабильных источников энергии (табл. 3). Так, доля ветровой и солнечной энергии в структуре генерации ЕС выросла с 21 % в 2019 г. до 31 % в 2023 г. [16]. Однако в связи с фрагментацией возникают новые вызовы:

– доступ к сырью (редкие земли, литий) сосредоточен в отдельных странах;

– поляризация технологических стандартов (например, конкуренция между китайскими и западными производителями солнечных модулей и батарей);

– отсутствие интеграции электросетей, особенно в развивающихся странах.

Таблица 2 – **Среднегодовые цена на нефть и газ, 2019-2024 гг.**
Table 2 – **Average annual oil and gas prices, 2019-2024**

Год	Brent (долл./барр.)	Газ в ЕС (€/MWh)
2019	64	40
2020	42	18
2021	70	50
2022	100	230
2023	85	120
2024	78 *(прогноз)*	100 *(прогноз)*

Таблица 3 – **Доля ВИЭ в энергобалансе, 2019-2023 гг.**
Table 3 – **Share of renewable energy sources in the energy balance, 2019-2023**

Регион	2019 г., %	2021 г., %	2023 г., %
ЕС	21	26	31
США	17	20	23
Китай	24	28	30
Индия	10	13	16

Цифровая фрагментация и энергетический переход неразрывно связаны с более широким макроэкономическим ландшафтом. Глобальная турбулентность привела к росту экономической нестабильности, усиленной как геополитическими факторами, так и внутренними дисбалансами в странах и регионах. Пандемия COVID-19, дальнейший энергетический кризис и ужесточение монетарной политики в ведущих экономиках мира создали уникальную среду, в которой проявились различные системные угрозы: инфляционное давление, долговое давление и разнонаправленное восстановление.

Начиная с 2021 г. мировая экономика переживает огромный всплеск инфляции. В странах G7 среднегодовой уровень инфляции в 2022 г. достиг 7,2 %, а на развивающихся рынках этот показатель в отдельных случаях превысил 9,8 % (в Турции и Аргентине был даже выше) (табл. 4) [17]. Реакцией центральных банков стало резкое повышение процентных ставок, особенно в США и Еврозоне.

Рост процентных ставок привел к увеличению стоимости финансирования, что сильно ударило по развивающимся странам, долговая нагрузка которых и без того была высокой. По прогнозам МВФ, ожидается, что мировой государственный долг достигнет примерно 93 % мирового ВВП к концу 2024 г. и 100 % ВВП к 2030 г. [12].

Таблица 4 – **Среднегодовая инфляция и ключевая процентная ставка, 2020-2023 гг.**
Table 4 – **Average annual inflation and key interest rate, 2020–2023**

Регион	Инфляция 2020 г., %	Инфляция 2022 г., %	Ставка 2020 г., %	Ставка 2023 г., %
США	1,2	8,0	0,25	5,50
Еврозона	0,3	8,4	0	4,50
Индия	6,6	6,8	4,0	6,5
Бразилия	3,2	9,3	2,0	13,75
Аргентина	36	95	38	97

Макроэкономическая политика в постпандемический период очень отличалась в развитых и развивающихся странах.

Если развитые страны смогли широко использовать программы стимулирования и фискальной поддержки, то развивающиеся страны столкнулись с ограниченным доступом к финансированию, высокой стоимостью заимствований и нехваткой валютных резервов.

По оценкам МВФ, темпы восстановления ВВП в индустриально развитых странах составляли в среднем 4,5 % в год в период 2021-2023 гг., тогда как в Африке и части Азии этот показатель не превышал 2-3 %, что углубляло глобальные дисбалансы (табл. 5) [12].

Таблица 5 – **Среднегодовой рост ВВП, 2021-2023 гг.** [13]
Table 5 – **Average annual GDP growth, 2021-2023** [13]

Регион	2021 г., %	2022 г., %	2023 г., %
США	5,7	2,1	2,3
Еврозона	5,3	3,5	0,8
Китай	8,1	3,0	5,2
Южная Африка	4,9	1,9	0,7
Аргентина	10,3	5,0	-2,5
Средний по миру	6,1	3,4	2,9

Представляется, что важнейшие макроэкономические риски в 2024-2025 гг. будут связаны с высоким уровнем долга (особенно в странах Африки и Латинской Америки), замедлением мировой торговли (впервые с 2009 г. ее темпы роста будут ниже темпов роста ВВП); фрагментацией потоков капитала и технологий [14].

Кроме того, отмечается и рост разрыва в доступе к финансовым ресурсам между Севером и Югом. Особенно проблематичным становится обслуживание внешнего долга: по прогнозам, к 2024 г. 18 стран больше не смогут обслуживать свои государственные обязательства или окажутся на грани этого (рис. 4) [19].

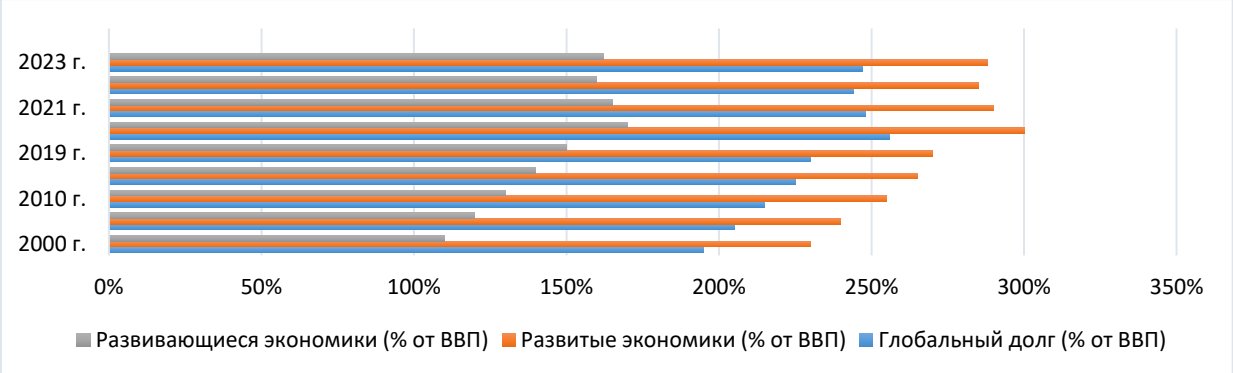

Рисунок 4 – **Динамика глобального долга (в % от ВВП), 2000-2023 гг.** [19]
Figure 4 – **Dynamics of global debt (in % of GDP), 2000-2023** [19]

Продолжая анализ влияния глобальных геополитических и экономических факторов на структуру мировой экономики, важно отметить, что процессы фрагментации проявляются не только в технологической и макроэкономической сфере, но и в самой глобальной финансовой архитектуре.

Усиление конкуренции за валютное доминирование, рост интереса к альтернативным системам расчетов, развитие цифровых валют центральных банков и частных криптоактивов подрывают стабильность текущего монетарного порядка, основанного на долларе.

Доллар США остается доминирующей мировой резервной валютой, но его относительная важность постепенно уменьшается. По данным МВФ, доля доллара в международных резервах составляла около 71 % в 2000 г., но упадет до 58,4 % в 2023 г. [15]. В то же время растет доля других валют, в частности евро, юаня и японской иены (табл. 6). Эта тенденция связана с ростом геоэкономических рисков, санкционной политикой США и стремлением некоторых стран к финансовому суверенитету. Так, Россия и Китай активно увеличивают расчеты в национальной валюте после 2022 г., особенно в энергетическом секторе [7].

Таблица 6 – **Динамика валютных резервов по валютам (в % от общего объема), 2000-2023 гг.** [15]

Table 6 – **Dynamics of foreign exchange reserves by currency (in % of total volume), 2000-2023** [15]

Год	Доллар, %	Евро, %	Юань, %	Иена, %	Прочие, %
2000	71,0	17,5	0	6,2	5,3
2010	62,1	25,8	0,5	5,5	5,9
2020	59,0	20,4	2,3	5,6	12,4
2023	58,4	20,1	2,9	5,7	13,1

Одним из наиболее очевидных проявлений валютной фрагментации стало развитие альтернативных систем международных расчетов. Наиболее известными из них являются (табл. 7): CIPS (China Interbank Payment System), китайский аналог SWIFT, фокусируется на расчетах в юанях. К 2023 г. в сеть входило более 1300 банков из 100 стран мира; криптовалюты, такие как Bitcoin и Ethereum, используются как децентрализованные платежные средства. Их рыночная капитализация превысила 1,5 трлн долл. в 2021 г., но стабилизировалась на уровне 500 млрд долл. в 2023 г. [9]; CBDC (цифровые валюты центральных банков) – разрабатываются в более чем 130 странах, 11 из которых уже официально запустили их (включая Китай, Нигерию и Багамские острова) [9].

Таблица 7 – **Статус внедрения цифровых валют центральных банков в мире (CBDC), 2023 г.**

Table 7 – **Status of Central Bank Digital Currency (CBDC) adoption globally, 2023**

Регион	Страны, где CBDC внедрены	Страны в пилотной фазе	Исследование и разработка
Азия	Китай, Индия	Индонезия, Таиланд	Япония, Южная Корея
Африка	Нигерия	Южная Африка	Египет, Гана
Европа	–	Швеция, Франция	Германия, Италия
Америка	Багамы, Ямайка	Бразилия, Мексика	США, Канада

Финансовая фрагментация увеличивает риск нестабильности. Процесс деdолларизации может привести к росту транзакционных издержек, снижению ликвидности и ограничению доступа к финансовым ресурсам для развивающихся стран. Также формируются новые валютные союзы: БРИКС обсуждает создание единой расчетной валюты, а в рамках ЕАЭС продвигается идея создания региональной платежной платформы [1].

Описанные тенденции свидетельствуют о переходе от стандартизированной глобальной финансовой архитектуры к более диверсифицированной, но и более конфликтной модели.

Фрагментация валютно-финансовой сферы дополняет общую картину глобального экономического разрыва и создает новые вызовы для устойчивости мировой экономики.

Обсуждение и заключение

Если в начале XXI в. представлялось, что альтернативы интеграционным процессам не существует, то сегодня мир стремительно движется к полицентричности и регионализации, ставя под сомнение предыдущие универсальные модели глобального взаимодействия.

В таблице 8 представлены актуальные показатели глобальной фрагментации в разрезе второй декады XXI в.

Таблица 8 – **Глобальная фрагментация (показатели и тенденции)**
Table 8 – **Global fragmentation (indicators and trends)**

Показатель	2012 г.	2022 г.	Тенденция
Количество торговых ограничений, шт. в год	300	>1400	Рост х4,6
Доля мировой торговли в ВВП, % от глобального ВВП	60,8	52,2	Снижение
Доля взаимных инвестиций между США и Китаем, млрд долл.	30,7	9,1	-70 % с 2016 г.
Доля региональных соглашений в мировой торговле, %	42	61	Рост

Развитие мировой экономики в условиях усиления глобальной фрагментации характеризуется противоречивыми, но устойчивыми тенденциями. С одной стороны, глобализационные процессы продолжают определять архитектуру международной торговли, инвестиций и технологических обменов, однако эволюция этих процессов свидетельствует о четком смещении в сторону регионализации, автономизации и локализации экономических систем.

Влияние геополитических факторов проявляется в увеличении количества конфликтов, санкционных режимов и снижении доверия к международным институтам. Эти процессы нарушают традиционные логистические маршруты, перераспределяют потоки капитала и ресурсов, вызывают нестабильность и фрагментацию в ранее интегрированных зонах экономического взаимодействия. Попытки государств уменьшить свою зависимость от глобальных центров силы проявляется в укреплении региональных альянсов, углублении торговых соглашений и политической координации внутри экономических блоков. Рост количества региональных торговых соглашений и развитие интеграционных инициатив свидетельствуют о переходе от универсализма к прагматической многополярности.

В условиях большой неопределенности особое значение приобретают вопросы энергетической безопасности. Диверсификация поставок, поиск альтернативных источников энергии и геополитические перегруппировки на энергетических рынках меняют глобальные цепи добавленной стоимости. Энергетический переход, включая активное развитие возобновляемых источников энергии, становится элементом устойчивого развития и фактором дальнейшего структурного давления на традиционные модели сырьевого экспорта.

Макроэкономическая нестабильность усиливается инфляцией, ростом процентных ставок, чрезмерной задолженностью и финансовой поляризацией. Возникают асимметрии между индустриально развитыми странами и развивающимися странами, усиливая дисбалансы в мировой финансовой системе. Это, в свою очередь, заставляет страны развивать внутренние механизмы устойчивости – от резервных фондов до реформ денежно-кредитной политики. Цифровая трансформация, которая в прошлом выступала интеграционным механизмом, все чаще становится точкой конфликта.

Рост технологического протекционизма, борьба за лидерство в критически важных секторах (ИИ, 5G, полупроводники) и распространение валют и цифровых платформ, ориентированных на национальные интересы, создают новый вид фрагментации – цифровую фрагментацию. Она усиливает барьеры между странами и регионами и приводит к институционализации технологических границ.

Последним элементом этих изменений является монетарная и финансовая фрагментация. Ослабление роли доллара, развитие альтернативных систем расчетов, внедрение цифровых валют и дедолларизация некоторых международных расчетов отражают стремление к большей монетарной автономии. Однако эти изменения несут в себе риск большей финансовой нестабильности, более высоких трансакционных издержек и более сложных глобальных взаимодействий.

Все обсуждаемые тенденции, от институциональных до цифровых и монетарных, отражают переход от универсального мирового порядка к фрагментированной многоуровневой системе, в которой стратегическая автономия и гибкие альянсы становятся ключевыми инструментами для выживания и конкурентоспособности.

Растущая фрагментация мировой экономики требует переоценки принципов глобализации с акцентом на устойчивость, инклюзивность и технологический суверенитет. Если глобальные регуляторные механизмы не будут модернизированы, а роль таких институтов, как G20, ВТО и МВФ, не будет усилена, возрастет риск экономической поляризации, нестабильности и уменьшения взаимозависимости – ключевого фактора глобальной безопасности.

Список литературы

1. Евразийская экономическая комиссия, Утверждены основные направления международной деятельности ЕАЭС на 2023 год [Электронный ресурс]. –URL: https://eec.eaeunion.org/news/utverzhdeny-osnovnye-napravleniya-mezhdunarodnoy-deyatelnosti-eaes-na-2023-god (дата обращения: 20.03.2026).

2. *Кейнс, Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег. – М., 2002. – 352 с.

3. Коммюнике саммитов G20 [Электронный ресурс]. – URL: https://g20.org/communiques (дата обращения: 20.03.2026).

4. *Маршалл, А.* Принципы экономической науки. – М., 1993. – 412 с.

5. *Норт, Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М., 1997. – 180 с.

6. *Портанский, А. П.* Опасность фрагментации глобальной экономики нарастает // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2024. – Т. 19, № 2. – С. 7-20.

7. Россия и Китай договорились увеличить долю национальных валют в расчетах [Электронный ресурс]. – URL: https://tass.ru/ekonomika/17331977 (дата обращения: 20.03.2026).

8. *Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. – М., 1978. – 784 с.

9. CoinMarketCap, Global Crypto Market Data [Электронный ресурс]. – URL: https://coinmarketcap.com/charts/ (дата обращения: 20.03.2026).

10. International Energy Agency, World Energy Outlook 2023. – Paris, 2023.

11. International Energy Agency, Oil Market Report – July 2023. – Paris, 2023.

12. International Monetary Fund, Fiscal Monitor, October 2024: Putting a Lid on Public Debt. – Washington, DC, 2024.

13. International Monetary Fund, World Economic Outlook, April 2024: Steady but Slow: Resilience amid Divergence. – Washington, DC, 2024.

14. International Monetary Fund, Global Financial Stability Report, April 2024: Last Mile – Financial Vulnerabilities and Risks. – Washington, DC, 2024.

15. International Monetary Fund, Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER) [Electronic resource]. – URL: https://data.imf.org/en/datasets/IMF.STA:COFER (date of access: 20.03.2026).

16. International Renewable Energy Agency, Renewable Capacity Statistics 2024. – Abu Dhabi, 2024.

17. World Bank, Global Economic Prospects, January 2024. – Washington, DC, 2024. – P. 29-33.

18. World Bank, Global Economic Prospects, January 2023. – Washington, DC, 2023.

19. World Bank, International Debt Report 2024. – Washington, DC, 2024.

References

1. Eurasian Economic Commission. Main Areas of EAEU International Activities for 2023 Approved [Electronic resource]. – URL: https://eec.eaeunion.org/news/utverzhdeny-osnovnye-napravleniya-mezhdunarodnoy-deyatelnosti-eaes-na-2023-god (date of access: 20.03.2026).

2. *Keynes, J. M.* The General Theory of Employment, Interest and Money. – M., 2002. – 352 p.

3. G20 Summit Communiqués [Electronic resource]. – URL: https://g20.org/communiques (date of access: 20.03.2026).

4. *Marshall, A.* Principles of Economics. – M., 1993. – 412 p.

5. *North, D.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance. – M., 1997. – 180 p.

6. *Portansky, A.* The Danger of Fragmentation of Global Economy Is Growing // International Organisations Research Journal: Education, Science, New Economy. – 2024. – Vol. 19, № 2. – P. 7-20.

7. Russia and China Agreed to Increase the Share of National Currencies in Settlements [Electronic resource] – URL: https://tass.ru/ekonomika/17331977 (date of accessed: 20.03.2026).

8. *Smith, A.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. – M., 1978. – 784 p.

9. CoinMarketCap, Global Crypto Market Data [Electronic resource]. – URL: https://coinmarketcap.com/charts (date of access: 20.03.2026).

10. International Energy Agency, World Energy Outlook 2023. – Paris, 2023.

11. International Energy Agency, Oil Market Report – July 2023. – Paris, 2023.

12. International Monetary Fund, Fiscal Monitor, October 2024: Putting a Lid on Public Debt. – Washington, DC, 2024.

13. International Monetary Fund, World Economic Outlook, April 2024: Steady but Slow: Resilience amid Divergence. – Washington, DC, 2024.

14. International Monetary Fund, Global Financial Stability Report, April 2024: Last Mile – Financial Vulnerabilities and Risks. – Washington, DC, 2024.

15. International Monetary Fund, Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER) [Electronic resource]. – URL: https://data.imf.org/en/datasets/IMF.STA:COFER (date of access: 20.03.2026).

16. International Renewable Energy Agency, Renewable Capacity Statistics 2024. – Abu Dhabi, 2024.

17. World Bank, Global Economic Prospects, January 2024. – Washington, DC, 2024. – P. 29-33.

18. World Bank, Global Economic Prospects, January 2023. – Washington, DC, 2023.

19. World Bank, International Debt Report 2024. – Washington, DC, 2024.

Об авторах

Сеферян Луиза Ашотовна, *кандидат технических наук, доцент кафедры мировой экономики и международных отношений, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия, luiza.seferyan@mail.ru.*

Захарченко Елена Сергеевна, *кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и международных отношений, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия, esz.rsue@gmail.com.*

Иванова Дарья Геннадьевна, *доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики и международных отношений, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия, ivanova753@yandex.ru.*

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 22.11.2025; одобрена после рецензирования 28.12.2025; принята к публикации 30.01.2026.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

© 2026 Сеферян Л. А., Захарченко Е. С., Иванова Д. Г.

About the Authors

Luisa Seferyan, *Cand. Sci. (Tech.), Associate Professor of the Department of World Economy and International Relations, of Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia, luiza.seferyan@mail.ru.*

Elena Zakharchenko, *Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of World Economy and International Relations, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia, esz.rsue@gmail.com.*

Daria Ivanova, *Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of World Economy and International Relations, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia, ivanova753@yandex.ru.*

Conflict of Interest: The authors declare no conflict of interest.

The article was submitted on 22.11.2025; approved after reviewing on 28.12.2025; accepted for publication on 30.01.2026.

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

© 2026 L. Seferyan, E. Zakharchenko, D. Ivanova